

А.П. Жарский (Санкт-Петербург)

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГЕОСТРАТЕГИИ ЕКАТЕРИНЫ II (ПРИБАЛТИЙСКИЕ ТЕРРИТОРИИ И ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС)

ГЛАВНЫМИ приоритетными направлениями в геостратегии Екатерины II (1762–1796) стали два направления – восточное (турецкое) и польское¹, т. е. наряду с борьбой за выход к Черному морю одной из важнейших внешнеполитических задач становится усиление северо-западных рубежей государства и распространение власти России на все восточно-славянские земли с православным населением (в первую очередь на Белоруссию и Западную Украину). Решение этих проблем потребовало не только больших дипломатических усилий, но и вооруженной борьбы, в результате которых последовали: присоединение к России Лифляндии и Курляндского герцогства и раздел Польши.

Началом наступательных действий в области внешней политики Екатерины II стало вмешательство России в курляндские дела, что явилось прологом к событиям, приведшим к разделу Польши. Еще при Петре I была сделана попытка обезопасить северо-западные рубежи государства, превратив Курляндию в нечто похожее на провинцию России. Когда Бирон был герцогом Курляндским (и фаворитом императрицы Анны Иоанновны), русское правительство не могло существенно влиять на курляндские дела. В 1740 г. Бирон пал, был сослан в Сибирь, оставаясь лишь номинально герцогом Курляндии. В 1758 г. польскому королю Августу III удалось, с согласия императрицы Елизаветы, посадить на курляндский престол своего сына Карла. То обстоятельство, что дочь Петра Велико-го не противодействовала возведению польско-саксонского принца

на курляндский престол, могло восприниматься русской общественностью как нарушение тех принципов, которыми правительство России руководствовалось в отношении Курляндии.

Екатерина II такие внешнеполитические шаги Елизаветы позднее охарактеризует следующим образом: «Говорили, что во всяком деле есть только два способа, которые следует избрать – это быть справедливым или несправедливым. Обыкновенно, корысть производит последнее. В деле о Курляндии было справедливым возвратить детям Бирона то, что им предназначалось от Бога и природы. Если же хотели бы следовать корысти, то долженствовало (признаюсь, что несправедливо) беречь Курляндию и изъять ее из-под власти Польши для присоединения к России. Кто бы после этого рассуждения сказал, что нашли третий способ, по которому учинена несправедливость без извлечения из того и тени выгоды, то есть отдали Курляндию принцу Карлу. Через это самое усиливается польский король, ... Надобно, когда уже хочешь быть несправедливым, иметь выгоду быть таковым; но в деле о Курляндии, чем более о нем думаю, тем менее нахожу там здравого смысла»².

В 1762 г. исполняющему обязанности русского посла в Польше Ржичевскому было поручено сообщить польскому правительству о решении императрицы Екатерины II восстановить на курляндском престоле Бирона. В ответ на возражения польской стороны в Курляндию были введены русские войска. О решительности и твердости намерений Екатерины в вопросе о Курляндии свидетельствует и такой факт. Когда в Москву приехал уполномоченный от Августа III ходатайствовать за сына короля, то ему не позволили ни представляться императрице, ни вступать в переговоры с канцлером или вице-канцлером. Императрица писала канцлеру Воронцову: «Можно господину Борху сказать, что оные труды лишни, что я не переменяю своих сантиментов по курляндским делам, понеже они основаны на справедливости; ... что удивительна смелость его короля, который, любя сына, нарушает правосудие и узаконения своего королевства и, что того удивительнее, везде упоминает, будто по научениям чьим-либо поступаю. Можете ему сказать, что уже приходит моему достоинству противное дело более трактовать *epavocet*³: и что твердо намерена сутенировать то, что я начала, всеми от Бога мне данными способами»⁴.

В 1764 г. Екатерина II посетила Митаву, где восстановленный Бирон принял ее «как вассал». Таким образом, исходя не столько

из интересов справедливости, сколько из интересов России, курляндский вопрос, по утверждению Екатерины, был частично решен так, «... чтобы мы в соседней земле имели герцога, не состоящего в непосредственных сношениях с польским королем, а скорее от нас зависящего».

Чтобы более отчетливо представить себе внешнеполитические шаги русского правительства в польском вопросе, обратимся к работам известного историка С.М. Соловьева, и в частности к его емкой характеристике польского государства в начале второй половины XVIII в. «Польша представляла собой обширное военное государство. Вооруженное сословие, шляхта, имея у себя исключительно все права, кормилась на счет земледельческого, рабствующего народонаселения; город не поднимался, и его народонаселение не могло сопоставить с шляхтою другую, уравнивающую силу, потому что промышленность и торговля были в руках иностранцев... Отсутствие государственных и общественных сдержек, сознание своей силы, исключительной полноправности и независимости условливали в польской шляхте крайнее развитие личности, стремление к необузданной свободе, неумение сторониться своим я перед требованиями общего блага»⁵.

Что касается государственного устройства Речи Посполитой, то это была своего рода «конституционная» монархия. Король избирался шляхтой. Шляхта, собиравшаяся на сеймики, выбирала представителя на большой сейм, давала указы и требовала отчет об их выполнении. Сейм собирался каждые два года. Для принятия на нем любого решения необходимо было полное единогласие, т. е. несогласие любого шляхтича могло парализовать работу сейма. Это был принцип «*liberum veto*»⁶. Против произвольных действий правительства могла, по закону, создаваться конфедерация, т. е. «собиралась шляхта, публиковала о своих неудовольствиях и требованиях, выбирала себе вождя, маршала конфедерации, подписывала конфедерационный акт, предъявляла его в присутственном месте, и ... восстание получало законность». В результате в политической жизни царил хаос, и государство пришло в глубокий упадок.

Вместе с тем территориально к началу второй половины XVIII в. Польша оставалась одним из самых крупных государств Европы. В этой связи, как утверждает С.М. Соловьев, после того как Россия окрепла, ей «волею-неволею, ... надобно было свести старые

счета с Польшею» (т. е. вернуть ранее отторгнутые земли западных областей Украины и Белоруссии).

В 1763 г. умер польский король Август III. Сразу после этого в государстве началась жестокая борьба между группами магнатов, отстаивавших различных кандидатов на престол. В эту борьбу вмешивались иностранные державы, стремившиеся усилить свое влияние в Польше. При поддержке России королем стал Станислав Понятовский, который в 1750-х гг. находился на дипломатической службе в Петербурге и оказался в фаворе у Екатерины, тогда еще жены наследника престола.

Накануне выборов короля в 1764 г. группа магнатов добилась, чтобы решения в сейме принимались большинством голосов. Между тем, еще при жизни Августа III, Россия и Пруссия договорились не допускать отмены «*liberum veto*».

Оказав военное давление, Россия заставила Польшу вернуться к прежнему порядку. В качестве предлога для введения войск был использован вопрос о правах диссидентов⁷. Православный епископ Белоруссии Георгий Конисский (в миру – Григорий Осипович) подал Екатерине II жалобу, где обращал ее внимание на тяжелое положение православных в Речи Посполитой и просил заступничества.

Давление, оказанное русским правительством на Польшу, возымело свое действие, и вскоре (1768) диссиденты, в соответствии с решением сейма, получили равные права с католиками. Комиссия, назначенная сеймом для окончательного решения диссидентского вопроса, постановила: «... все диссиденты шляхетского происхождения уравниваются с католической шляхтой во всех политических правах; но королем может быть только католик, и религия католическая остается господствующей»⁸. Часть шляхты не признала решение сейма и, собравшись в г. Бар (Подолія), образовала так называемую Барскую конфедерацию, и подняла восстание.

Из Франции к конфедератам прибыл генерал Дюмурье в качестве военного советника и инструктора. По настоянию французов поляки прервали переговоры и, собравшись в Эпериеше (в Венгрии), объявили короля Станислава низложенным. Барскую конфедерацию поддержал понтифик Климент XIII.

Интересно посмотреть на конфедератов глазами французского советника: «Нравы вождей конфедерации азиатские. Изумительная роскошь, безусловные издержки, длинные обеды, игра и

пляска – вот их занятия! ... Войско конфедератов простиралось от 16 до 17 тыс. человек; ... под начальством осьми или десяти независимых вождей, несогласных между собою, ... иногда дерущихся друг с другом и переманивающих друг у друга солдат.

Шляхта эта не могла сопротивляться не только линейным русским войскам, но даже и казакам...

Польская конституция есть чистая аристократия, но в которой нет народа для управления, потому что нельзя назвать народом 8–10 миллионов рабов, которых продают, покупают, меняют, как домашних животных. Польское социальное тело – это чудовище...»

Король Станислав, не имея в своем распоряжении военной силы для подавления восстания, обратился за помощью к Екатерине II, и в 1771 г. Польша фактически была очищена от конфедератов. При этом отличился Суздальский полк А.В. Суворова, который нанес поражение конфедератам под Ландскроной и Замостьем. Однако вскоре вспыхнуло восстание в Литве, где коренный гетман Огинский открыто примкнул к конфедерации. Суворов быстрым и скрытным маршем устремился в Литву и на рассвете 13-го сентября наголову разбил коронного гетмана при Столовичах. У гетмана было до 4000, у Суворова всего 820 человек. Поляки были застигнуты ночью врасплох и стремительным ударом с двух сторон выбиты из Столовичей. Наутро отряд Огинского перестал существовать как военная сила, потеряв 1000 человек и всю артиллерию (12 орудий).

Таким образом, мятеж барских конфедератов был подавлен, однако положение России осложнялось тем, что в этот период она вела войну с Турцией. Успехи русских в этой войне насторожили европейские державы. Стремясь разрушить австро-турецкий союз, русское правительство вынуждено было согласиться на раздел Польши, который давно предлагали Екатерине II Австрия и Пруссия. Императрица, в отличие от Фридриха II, не была сторонницей раздела, предпочитая сохранять единую Польшу под русским влиянием. Однако международная ситуация заставила Россию пойти на соглашение. В 1772 г. три державы разделили часть польских земель. Австрия присоединила Галицию, Пруссия – Поморье и часть Великой Польши, Россия – Восточную Белоруссию (по Двине и Днепру) и польскую часть Лифляндии. Польский сейм вынужден был согласиться с разделом. Речь Посполитая потеряла территорию в 3800 кв. миль с населением 4 млн человек.

Современники, следившие за событиями в Польше, находили, что это государство после первого раздела сделалось вполне зависимым от России. Русский посланник в Варшаве играл как бы роль наместника⁹.

После первого раздела Польша должна была выполнять следующие условия, продиктованные ей Россией, Австрией и Пруссией: «1) она должна была навсегда удержать избирательную систему правления; 2) только природный поляк (пяст) мог быть королем; 3) Польша сохраняла все свое прежнее республиканское устройство; 4) законодательная власть оставалась у Сейма...; исполнительная была у вновь учрежденного Постоянного совета, состоявшего из короля, 18 сенаторов и 18 послов сеймовых»¹⁰. Надо отметить, что диссиденты по-прежнему не могли быть избраны ни в сенат, ни в Постоянный совет. Россия в данном случае пошла на уступки, т. к. значительная часть православных Белоруссии по первому разделу была присоединена к Российской империи.

Однако через 8 лет в Польше произошли события, которые стали поводом для так называемых инсurreкционных¹¹ войн, а затем 2-го и 3-го раздела Польши. 3 мая 1791 г. сейм принял, нарушив вышеизложенные договоренности с Россией, Австрией и Пруссией, новую конституцию, в соответствии с которой устанавливалось наследственное правление (т. е. после смерти короля престол должен был передаваться наследнику) и отменялось «*liberum veto*».

Надо отметить, что на всем протяжении времени, прошедшем после первого раздела, положение дел в Польше оставалось крайне сложным. Выпады против России не прекращались. Обещали устроить «сицилийскую вечерню для всех русских в Польше»¹². Нередко вельможи осыпали короля упреками за то, что он не противодействовал замыслам трех держав, участвовавших в первом разделе.

Екатерине II часто приходилось силой оружия защищать православных в Польше против фанатизма католиков. В одном из писем к Потемкину Екатерина, жалуясь на «продерзости от поляков», требовала, чтобы «в случае наглости польской, поступаемо было с твердостью, достоинству нашему и славе воинства нашего свойственною»¹³.

Принятая в 1791 г. новая конституция шла вразрез с внешнеполитической стратегией России. В этой связи «в рескрипте от 18 (29) июля 1791 года Екатерина, сильно порицая образ действий

поляков, указала на возможность вызвать в самой Польше протесты против конституции 3 мая, покровительствовать протестующим и этим уничтожить замыслы представителей реформы; она прямо указывала на необходимость образования конфедерации»¹⁴. Такая конфедерация под наименованием Тарговицкой была образована 14 мая 1792 г.¹⁵ На Тарговицкой конфедерации было решено отменить конституцию 1791 г. и обратиться за поддержкой к русскому правительству.

Русский посол в Польше Булгаков подал польскому правительству 7 мая 1792 г. декларацию императрицы, в которой перечислялись оскорбления, нанесенные России участниками переворота: «... настаивали на удалении русских войск и магазинов из польских владений; ... Подданные императрицы, находившиеся в Польше по делам торговли, были... схвачены и брошены в тюрьмы... Жители православного греческого вероисповедания подвергались преследованию»¹⁶ и т. д.; объявлялось о необходимости ввода русских войск для восстановления «старинных прав». Королю Польши Станиславу Понятовскому было предложено присоединиться к Тарговицкой конфедерации.

В это время главное внимание других европейских держав было обращено на французскую революцию. Екатерина желала воспользоваться этим для того, чтобы свободнее действовать в Польше. «Я стараюсь, – говорила она, – втянуть берлинский и венский дворы в дела французские. У меня много предприятий неконченных, и надобно, чтобы они были заняты и мне не мешали»¹⁷.

Русские войска силами двух армий генерала Коховского (65 тыс.) и генерала Кречетникова (32 тыс.)¹⁸ вторглись одновременно со стороны Подолии и Литвы; нанесли польской армии поражение под Деревичами, Зеленце и стали стремительно продвигаться в направлении Варшавы. Видя свое безвыходное положение, король Станислав Понятовский вынужден был присоединиться к Тарговицкой конфедерации. Политическим результатом этого похода русских войск стал 2-й раздел Польши между Россией и Пруссией. К Российской империи по этому разделу отошли: Вольнь, Подолия и Минская губерния. Екатерина это событие комментировала следующим образом: «Я думала войти в Польшу к готовой конфедерации, но вместо того войска мои дошли до Варшавы... Они теперь сами не сдержали слова, и теперь беру я Украину взамен моих убытков и потери людей»¹⁹.

После 2-го раздела, в соответствии с Гродненским договором (от 25 сентября 1793), Польше было разрешено иметь вооруженную силу численностью не более 15 тыс. чел.; кроме того польское правительство не должно было, без ведома России, заключать союзы ни с каким-либо государством²⁰.

Такие условия, и особенно сокращение армии, больно ударили по самолюбию шляхты. Когда 16 марта 1794 г. было приказано осуществить сокращение войск, то в ряде частей в результате неповиновения вспыхнуло восстание. Бригада генерала Мадалинского в полном составе выдвинулась в Краков, где и был организован штаб восстания. Возглавил восстание Т. Костюшко, выходец из старинного русского волынского дворянского рода, принявший католичество²¹.

Под давлением толпы начались массовые казни лиц, «известных своей приверженностью России». Были повешены: коронный гетман Ожаровский и литовской гетман Забелло, а также епископ Масальский. В Варшаве в ночь на 6 апреля вооруженная толпа напала на русский гарнизон и частично его истребила. Остатки пробились к Ловичу.

Вести из Варшавы дошли в Петербург в несколько преувеличенном виде и вызвали у правительства большую тревогу.

И вскоре судьба Польши была решена. Отличились войска под командованием Суворова. 4 сентября он с ходу взял Кобрин, 5-го – разбил корпус Сераковского под Крупчицами, а затем, соединившись с корпусом Ферзена, двинулся к предместью Варшавы (Праге).

Прага была взята штурмом 24 октября, и на следующий день капитулировала Варшава. В 1795 г. произошел третий раздел Польши, по которому к России отошла Курляндия, Лифляндия и Западная Белоруссия. Польша перестала существовать как государство. Австрия получила Краковское и Сандомирское воеводства, а Пруссия – остальную часть Польши с Варшавой.

В Петербурге по случаю воссоединения была отчеканена медаль с надписью: «Отторгнутая ненавистью, возвращенная любовью».

Таким образом, внешнеполитические и военные усилия Екатерины II к концу XVIII в. позволили значительно усилить и обезопасить северо-западные рубежи Российской империи. В 1795 г. создается Курляндская и Лифляндская губернии. Восточно-славянские территории с православным населением были присоединены

к России. Однако был ли решен окончательно «польский вопрос»? На это однозначно ответить нельзя, но судя по тем событиям, которые произойдут в этом регионе позднее (начиная с 1812), можно сказать, что скорее, нет. Прибалтийские губернии не доставляли Российской империи столько хлопот, сколько Польша, и вероятно, их присоединение было верным геостратегическим ходом русского правительства.

---

¹ Соловьев С. История падения Польши. М., 2005. С. 7.

² Брикнер А.Г. История Екатерины второй. СПб., 1885. С. 295.

³ «Epanocet» (фр.) – в качестве адвоката.

⁴ Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 300, 301.

⁵ Соловьев С. Указ. соч. С. 12.

⁶ Право любого посла Польского сейма налагать вето на любое решение сейма.

⁷ Диссидентами называли, как правило, представителей иных конфессий, не католиков.

⁸ Соловьев С. Указ. соч. С. 63.

⁹ Костомаров Н.И. Последние годы Речи Посполитой. СПб., 1870. С. 120.

¹⁰ Соловьев С. Указ. соч. С. 128.

¹¹ Инсurreкционных (insurgens – лат.) – т. е. повстанческих – войн.

¹² Сицилийская вечерня – восстание на острове Сицилия (1288) против французского короля Карла I.

¹³ Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 522.

¹⁴ Там же. С. 523.

¹⁵ Военная энциклопедия. СПб., 1915. Т. XVIII. С. 563.

¹⁶ Там же. С. 563.

¹⁷ Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 529.

¹⁸ Военная энциклопедия. СПб., 1915. Т. XVIII. С. 563.

¹⁹ Письма и бумаги Екатерины II, изд. Бычковым. СПб., 1873. С. 95.

²⁰ Соловьев С. Указ. соч. С. 266.

²¹ Лебедев С.В., Стелмашук Г.В. Белорусский феномен. СПб.: Изд-во ЛГУ, 2006. С. 48.